

Андрей ЛАДОГА

Андрей Ладога – сценарист, режиссер. Закончил архитектурно-художественную академию. Автор четырех книг прозы. Рассказы публиковались в журналах «Волга», «Дружба народов», Ното Legens, «Этажи», «Новый континент» (Чикаго, США), «Южная Звезда», «5 Республика» (Париж, Франция), «Кольцо А», «Новая литература», «SOZDAY» (Алматы, Казахстан) и др. Живет и работает в Москве.

ЛЮБВИ НЕ ХВАТИТ НА ВСЕХ

(Похоронная гитара В. А. Шукина)

Рассказ

– ...в начале были бабы, – закончил я, – голые.

Марго посмотрела на меня сердито, даже гневно:

– Ты вообще можешь что-нибудь воспринимать в этой жизни, кроме голых баб?!

– Да, многое могу. Не могу об этом говорить. Тошнит...

– Чёрт!.. – Марго в сердцах махнула рукой и отошла от меня на два шага. Потом подумала и отшагнула и вовсе к «Одинокой березе», холст, масло, художник А.В. Пискунов-Четвертый. На табличке значилось именно это: «Четвертый».

А я так и остался стоять рядом с «Купальщицей на берегу», холст, масло, художник А.Б. Иноков. Рельефные бедра, дражайшая грудь, разноцветные – зелено-голубые – глаза прибрежной купальщицы в преувеличенно натуральную величину. «Что, – думаю, – плохого?»

– Буфет тут есть? – спросил я. – Бар? Столовая? Харчевня? Ресторация?

Марго ничего не ответила, сосредоточенно и одновременно рассеянно, она разглядывала березу на холсте, обе были демонстративно одиноки.

Подумалось с тоской, зачем я сюда поехал, на эту выставку художников-аборигенов? Очередное дежурное «мероприятие» в рамках телевизионного фестиваля в небольшом нефтеносном городке, в двух шагах от нашей гостиницы «Четыре Зимы».

Тут мимо нас с Марго прошёл, чуть пошатываясь, режиссёр Немых. Я ощутил запах и понял, да, буфет есть. Пивных, Спиртных, привычно додумались сами собой псевдонимы режиссера Немых – Винных, Косых... Как-то раз нас с Немых, который был за рулем, остановил дорожный инспектор полиции.

– Я не совсем Христос, – внезапно открылся инспектору раздосадованный Немых, – и моей любви не хватит на всех.

– Не Христос? – С каменным лицом офицер полиции изучал документы режиссера, – а как же тогда ваша фамилия?

В том «марсианском» диалоге меня поразили слова: «не совсем» и «а как же тогда?».

Перед поездкой на фестиваль Немых позвонил мне и сообщил о том, что в «разбомбленном ремонте» сортире погас свет, и это не лампочка, это что-то серьезное с проводкой. И теперь, до послезавтрашнего прихода мастера – у электриков какой-то праздник – Немых посещает сортир, надевая на голову «шахтерский фонарь монтажника». «Это так таинственно!» Но жена предпочитает ходить в туалет со свечой, «так романтичнее!». Я посоветовал Немых, кроме фонарика, надевать светоотражающий жилет. Немых озабоченно пообещал...

– ...Ты идешь? Я хочу горячий кофе!

Марго, опустив длинные ресницы, помолчала, выждав положенное...

– Иду.

– Пошли. А то режиссер Немых, уже побывавший в буфете, это серьезно!

– Нам всё оставили, – сказала Марго. – Даже кофе твой пижонский, по-королевски. Я всех предупредила...

– О том, что мы придем?

– И о том, что бар посетит режиссёр Немых...

Мы прошли мимо портрета Александра Пушкина. Поэт, по всей видимости, давно нашедший не только кружку, но и бутылку, раздваивался неадекватно весёлой старушкой со щербатой улыбкой до иссохших, уже мёртвых ушей. Вероятная няня национального гения, кроме кроличьего оскала, отличалась болезненно неуместными, паутинообразными бакенбардами. Возможно, именно эта деталь по остроумному замыслу художника роднила Арину Родионовну с её великовозрастным воспитанником. Ощущение складывалось такое, будто все, включая автора таинственного полотна «На троих», были «сильно пьяны». Но кто же третий? Зритель? Критик? Сам Мастер?.. Чудесная, во многом загадочная картина, холст, масло, художник Борщёв С.К. Очень своевременно, как раз перед буфетом...

Я замерз под кондиционерами на выставке умелых мастеров, и захотелось то ли выпить, то ли попить, то ли горячительного, то ли горячего. Изувеченный русский вопрос: что пить? Кофе? Коньяк?

За неизменяемыми няней и её Сашей Пушкиным медленно проплыл многометровый портрет Льва Толстого абсолютного микеланджеловского размаха.

Главное, думал я, думал автор, передать масштаб личности через наглядный размер – три метра на восемь, холст, масло, художник Песцов Г.В.

Лысый Толстой был в косоворотке, при штанах и в бороде. Классик был в сапогах, которые можно было бы назвать так: «Чем выбросить... От барона Иеронима фон Мюнхгаузена». Лев Николаевич был задумчив и сосредоточен. А на дальнем плане, на фоне колючего проволочного кома леса жили-были маленькие деревенские дети без лиц, невзрачные пятнышки, размытые выцветшим вечерним светом осени...

Я вздрогнул, ознакомившись с неожиданным названием полотна: «Лев. Былые думы о школе». Школы, кстати, не было. Или она была, но за лесом. Видимо, были и думы, но, очевидно, уже в прошлом. Былые?

Вероятно, художник пытался охватить два космоса сразу: Льва Толстого и мыслителя-невидимку Александра Герцена...

Дальше, представилось по ходу, должен быть Н.В. Гоголь с гитлеровской чёлкой и семитским носом, как бы в несоединимом соединении, холст, масло. Но случился портрет Шукшина В.А., масло, холст. Работа художника с приятной обеденной фамилией Ковригин Г.Г.

Ковригин, просмаковал я, и вспомнил – через дефис – мастера Борщёва...

С неизменно босыми ногами В.А. Шукшин сидел на неудобно округлой родной земле. Шукшин сидел, обнимая траурную лаковую гитару, которая была как в руках, так и в ногах актерствующего писателя-режиссёра. Гитара липко блестела. На грифе гитары имел место алый бант, отчасти похожий размером на странный капустный кочан. Мертвящий взгляд Шукшина, как бы огибая раму картины, был направлен в мир всё еще живых.

Я вздохнул... Очень точное название у выставки: «Экспозиция художников-умельцев». Точнее, думаю, и не скажешь – умельцы...

И только сидя в буфете и помешивая ложечкой кофе, я внезапно осознал очевидное – в имени Шукшина была допущена опечатка: В. А.

– ...а должно быть, В. М., – сказал я Марго, – он же был Макарович.

– Макарович? И он из этих?!

– Макарович! От имени Макар!

Но Марго только горько отмахнулась.

– Главное, что он босой, – сказала Марго, – и сидит где положено. На маленькой родине, стало быть, сидит, в Сростках. А как там его отчество в этой единственной букве, кого это волнует?

Да и правда, подумалось, кого? Я уже не говорю про загадочную его похоронную гитару...

– «М» там, или «А» – ерунда. «А» мне, кстати, больше нравится. Хотя и так хорошо! И «А», – Марго посмотрела на меня, – и «М».

– Ты ещё ножом вырежи на скамейке: Андрей + Марго = любовь...

– И вырежу!

Я подумал о том, что глупый Немых прав, любви действительно не хватает на всех. Еще я думал о том, что моя Настя «из соображений отговорочной морали» никогда не бросит «нашего» мужа, не просто набитого, но туго набитого дурака. Изменять ей «мораль» позволяет, а развестись – нет. А между тем, и совсем скоро, когда любовь просто необходима, ты вдруг оказываешься за границей старости, и рядом непременно возникнет длинноногий палач в светящихся ажурных чулках, «в белом халате салатного цвета», со взбитой грудью, с ясным взглядом красивых зеленых глаз. И палач бесстрастно объявит тебе диагноз высшей меры, «обжалованию не подлежит», какая уж тут любовь?

...Гоголя мы всё же увидели, но косвенно, в факультативном порядке. Гоголь явился нам в образе Достоевского – внезапно! – холст, масло, художник И.Б. Скворешников. Федор Михайлович имел измученное чем-то – чем? – лицо. Маленькие его худенькие плечики, туго пеленая, обнимала чёрненькая шинель.

– «Шинелка»! Без мягкого знака, – сказала Марго.

Картина называлась строго, поучительно и отчасти модно: «Достоевский Ф.М. Все мы из шинелки Гоголя». И тут я понял, отчего у Федора Михайловича было плаксивое выражение припухшей и круглой, какой-то «Петровско-Первой» физиономии.

– Шинель жмет ему, – догадался я, – тесновата шинелька!

Марго обняла меня...

– Маловата, да. Он из неё вырос...

– Вышел, так точнее, – я вздохнул, – первопроходимцы от живописи...

Словом, сказочная картина – как бы двойной портрет великих писателей через многоточия: Достоевский... шинель Гоголя... и сам Гоголь – призрачным фантомом.

– Шинелька тесновата, кольчужка коротковата, трусы узковаты, презерватив...

– Лучше без...

И тут мимо нас с Марго снова прошел, чуть пошатываясь, режиссер Немых – Пьяных, Худых, Бултых.

– Поехали отсюда! – мне стало скучно. – Полдник и сон-час.

Марго призывно улыбнулась:

– Пьем её и едим её! Ресторан «Нефть» подойдет? Для полдника?

– Ресторан... «Нефть»? Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Стадион «Циан», – вспомнил я, – конфеты «Радий», сериал «Две стороны одной Анны». Для разгона сойдет и «Нефть», хорошо, что не «Цемент».

Смеркалось, было часа четыре...

В послесловии подумалось, «без» лучше, Марго права, конечно...

Гостиница «Четыре Зимы», Западная Сибирь, ноябрь 2008 г.